

Ли Ло негромко, участливо его успокоил:

— Не нужно так в себе сомневаться. Ты вовсе не уродлив и совсем не глуп. Ты очень милый. — Он замолчал на мгновение, подбирая слова. — Наш Сяо Чи Шэн уже совершил подвиг. Вчера на площади Тайцзи кто-то посмел дурно отозваться о Лансюэ-цзюне, и ты ведь заступился за него, защищая его доброе имя? Это достойно искреннего восхищения.

Чи Шэн во все глаза уставился на собеседника:

— Ты... восхищаешься мной?

Ли Ло рассмеялся:

— А что такого? Ты сегодня сам не свой — неужели Лансюэ-цзюнь что-то тебе высказал?

Чи Шэн лишь качнул головой. О случившемся на площади Линь Фэйсянь не проронил ни слова, но на душе у юноши всё равно было беспокойно. Он не хотел, чтобы учитель считал его вспыльчивым, и уж тем более боялся, что тот догадается о его истинных чувствах...

Гунъи Лин влез в разговор с другой стороны:

— Всё равно через три дня тебе идти на Лося-фэн. Заодно заглянешь на соседнюю вершину к своему Лансюэ-цзюню, объяснишься с ним. А я уж подсоблю, пушу через своих людей слух по школе — и твой безупречный образ будет восстановлен в мгновение ока!

Ли Сюнь, сосредоточенно грызший свиную рульку, поднял голову:

— А? Что там на площади стряслось? О чём вы вообще?

Ли Ло одной рукой запихнул мясо обратно в рот брату, а другой ласково потрепал Чи Шэна по макушке:

— Думаю, план отличный.

Ладонь Ли Ло была тёплой, его прикосновение дарило покой и уверенность — точь-в-точь как когда-то Дедушка Дерево гладил его по волосам. А эти двое, Ли Сюнь и Гунъи Лин, хоть и были порой чересчур шумными и напористыми, напоминали Чи Шэну сестёр Синих птиц, вечно щебетавших над ухом в Диего.

Юноша поджал губы. Раньше он думал, что никогда не сможет нормально общаться с людьми, но теперь вдруг почувствовал: он, этот «гадкий утёнок», понемногу вливается в чужую среду.

От этой мысли в груди разлилось странное, щемящее тепло.

До того дня, когда ему предстояло покинуть главный остров и отправиться на Лося-фэн и Гуу-фэн, оставалось трое суток. Чи Шэн провел их в однообразных, но уютных заботах: заучивал каноны, упражнялся в игре на цине, ел, спал и постепенно выстроил собственный распорядок дня.

Просыпался он в час Кролика, умывался и одевался. Завтракать он не привык, поэтому, приведя себя в порядок, к часу Дракона уже спешил на занятия на Мэй-дао. Основными дисциплинами были игра на музыкальных инструментах и техника очищения ци — адепты музыкального факультета сокрушали врагов именно с помощью звука и духовной энергии. Чи Шэну обе науки давались с трудом, так что корпеть приходилось вдвое больше остальных.

В час Лошади он обедал с братьями Ли и молодым господином Гунъи. После полудня, если не было лекций, Чи Шэн заглядывал в Яобао-чжай. Вечером, после ужина, возвращался в общежитие Яо-юань, где до самого часа Свиньи читал книги, музицировал и занимался дыхательными практиками. А во сне... во сне он продолжал высиживать яйца.

Что же до нелепого слуха о том, будто он «полез в драку из-за Лансюэ-цзюня», то Чи Шэн решил его просто игнорировать. И, на удивление, сплетни начали затихать сами собой. Кое-кто из особо «справедливых» адептов даже выступил в его защиту, и вскоре общественное мнение качнулось в другую сторону. Теперь Чи Шэна считали не скандалистом, а кротким и терпеливым мучеником. Ему тут же приклеили ярлык «бедного сиротки», а среди восторженных учениц даже стихийно образовался «Клуб поддержки Белого Лебедя».

Чи Шэн не знал, приложили ли к этому руку Гунъи Лин и Ли Ло, но так или иначе, теперь он мог не бежать к Линь Фэйсяню с оправданиями — учитель и сам наверняка уже знал правду.

В назначенный срок Чи Шэн отправился на Лося-фэн. Стоял погожий выходной, занятий не было, а юноша как раз закончил высиживать свои первые два духовных яйца. Он поднялся ни свет ни заря, решив первым делом зайти в Яобао-чжай, чтобы обменять жетоны, а уже потом встретиться с Гунъи Лином.

В Яобао-чжае его ждало разочарование: первая заработанная «кровью и потом» монета улетела из кармана, не успев даже согреться. Чи Шэн намеревался выкупить те самые сапоги Линь Фэйсяня.

Старый хозяин-козел, поправив трубку и сощурился подслеповатые глаза, прошамкал:

— Те белые сапожки?.. Э-э... Кажись, вчера только забрали.

Чи Шэн вцепился в край прилавка:

— Кто забрал? Сколько за них отдали? Я... я заплачу больше! Пожалуйста, их нельзя продавать!

Старик поскрёб в затылке, силясь вспомнить покупателя, и развёл руками:

— Уж прости, малец, в Яобао-чжае свои порядки. Коли дают цену и хотят купить — у меня нет причин отказывать. Раз вещь попала в лавку, хозяина у неё больше нет. Хоть золотом меня осыпь, делу не поможешь.

Логика была железной, и у Чи Шэна потемнело в глазах.

Вещь наставника ушла в чужие руки. По его вине.

Как это исправить? А если учитель узнает — сильно ли он разгневаётся?

Последний вопрос пугал больше всего.

Впрочем... вспомнит ли вообще Линь Фэйсянь о каких-то сапогах, которые сам же и отдал? Чи Шэн отчаянно надеялся на его забывчивость.

В итоге он оставил аванс на случай, если обувь вернут, а на оставшиеся жетоны купил новое яйцо и пять флаконов эликсира для укрепления духа. С похоронным лицом он распрощался с хозяином и побрел к Лося-фэн.

Стоило Чи Шэну уйти, как старый козел постучал трубкой по двум яйцам, которые высидел юноша. Скорлупа была кристально чистой, а внутри едва заметно пульсировала тонкая алая нить. Старик протёр глаза: такой странной расцветки он в жизни не видел.

— Это что же... утиные яйца? — пробормотал он. — Чудеса, да и только.

Даньлин-шань славилась не только главным островом, где располагалась школа. Её окружали величественные пики, на которых жили великие мастера. Самыми известными были Лося-фэн, Гуу-фэн, Цюшуй-фэн и Чантянь-фэн — названия, словно сошедшие со страниц древних поэм, идеально подчеркивали красоту этих мест.

Чи Шэн медленно шел по лесной тропе. Утренний свет дробился в изумрудной листве, рассыпаясь по его плечам серебряной крошкой. Он вдыхал свежий аромат влажной земли и

хвои, и мысли о потерянных сапогах постепенно отступили.

На Лося-фэн царила прохлада. Из-за раннего часа воздух был тяжёлым от влаги, и подошвы сапог скользили по каменным ступеням. Когда юноша добрался до каменных врат на середине склона, Гунъи Лин уже ждал его, нетерпеливо скрестив руки на груди.

Сегодня молодой господин сменил ученическое платье на легкий доспех в красно-белых тонах. Наручи и высокие сапоги плотно облегли тело, волосы были собраны в высокий хвост и скреплены золотой заколкой, которая выгодно подчеркивала блеск серьги в виде цветка алой сливы. Всем своим видом он словно кричал: «Я баснословно богат».

Гунъи Лин нахмурился:

— Почему ты вечно опаздываешь?

— Дорога скользкая, прости... — виновато выдохнул Чи Шэн.

К счастью, тот не стал ворчать. Они двинулись дальше вверх по ступеням. Гунъи Лин на ходу указывал на соседнюю вершину, чей пик едва виднелся сквозь разрывы в густой зелени:

— Вон там — Гуу-фэн, обитель Лансюэ-цзюня. Он совсем рядом с нашим Лося-фэн. А вон там — Цюшуй-фэн и Чантянь-фэн, со временем и там побываешь. На Чантянь-фэн, кстати, стоит Чантянь-та.

Чи Шэн проследил за его жестом. Прекрасная вершина была окутана туманной дымкой, и на самом её пике юноше почудился едва различимый бело-голубой силуэт.

— Учитель?.. — тихо позвал он.

Гунъи Лин вытянул шею:

— А? Ты про Лансюэ-цзюня?

Чи Шэн моргнул, но на вершине уже никого не было. Гордый, одинокий силуэт, казавшийся столь реальным мгновение назад, обернулся лишь игрой воображения.

— Тебе померещилось, — уверенно заявил Гунъи Лин. — В это время Лансюэ-цзюнь обычно играет в линлун в водном павильоне. На самой верхушке ему делать нечего.

Молодой господин явно знал привычки всех старейшин назубок. Пользуясь случаем, Чи Шэн принялся осторожно разузнавать о буднях своего наставника:

— А чем ещё занимается учитель?

— Да ничем особенным. Если нет занятий в Цзюньцзы-шань или дел на главном острове, он всё время проводит у себя на Гуу-фэн. Людей не принимает. Сидит там, небось, от скуки шахматы расставляет, на цине играет, мечом машет или медитирует... Никаких других интересов у него сроду не было...

Голос Гуньи Лина внезапно оборвался. Чи Шэн проследил за его взглядом и увидел Линьлань-цзюня. Верховный старейшина стоял на ступенях выше, заложив руки за спину. Контровой свет обрисовывал его контур — судя по всему, он ждал их уже порядочно.

— Линьлань-цзюнь, — почтительно поклонился Гуньи Лин. — Почему вы лично спустились встретить нас?

Е Линьлань не удостоил его ответом. Его взгляд — странный, колючий — скользнул по Чи Шэну.

— К нам на Лося-фэн впервые поднялся новый адепт, — глухо произнес он. — Разумеется, я должен лично проводить его. — Старейшина взмахнул рукавом и развернулся. — Идите за мной.

Чи Шэну стало не по себе. В глазах Линьлань-цзюня не было той спокойной отстраненности, что была присуща его учителю. От него веяло опасной, могильной стужей, скрытой угрозой, напоминавшей юноше о ядовитых лозах в призрачных пещерах.

Змеи — извечные враги уток. Это инстинктивное чувство опасности заставило Чи Шэна замедлить шаг.

— Ты чего застрял? Идём, — обернулся Гуньи Лин.

Чи Шэн закусил губу:

—... Да.

В конце концов, Линьлань-цзюнь был верховным старейшиной Даньлин-шань. Если бы он хотел причинить ему вред, зачем такие сложности? Да и чем такой, как Чи Шэн, мог ему угрожать?

Ступени вели всё выше сквозь лесную чащу. За очередным поворотом открылся вид на летящий с кручи водопад, впадающий в подёрнутое дымкой озеро. Линьлань-цзюнь внезапно остановился на выступе скалы и тихо, одними губами, усмехнулся:

— Фэйсянь, какой редкий гость.

Чи Шэн замер. Линь Фэйсянь? Он здесь? На Лося-фэн?

Юноша не успел оглядеться: внезапный удар в подколенную впадину выбил почву из-под ног. Камень под сапогом предательски пополз вниз, и Чи Шэн, не удержав равновесия, кубарем полетел с обрыва прямо в холодные воды горного озера на Лося-фэн!

В отчаянной попытке ухватиться хоть за что-нибудь, он вцепился в чей-то ворот. Но тот, другой, не стал опорой — напротив, он словно намеренно качнулся вперёд, и через мгновение оба с тяжелым всплеском скрылись под водой!

Ледяная вода обожгла кожу, пробирая до самых костей. Чи Шэн в панике забил руками, пока сильные руки не перехватили его поперек талии. Инстинкт самосохранения заставил его мертвой хваткой вцепиться в своего спасителя, как в единственную надежду.

Лишь ощутив под ладонями тепло чужой кожи, он начал приходить в себя. Встретившись с глубоким, пронзительным взглядом Линь Фэйсяня, Чи Шэн почувствовал, как кровь отлила от лица, а тело сковал холодный ужас.

Учитель... Линь Фэйсянь?!

Юноша висел на нём, точно ленивец, вцепившийся в ствол дерева: руки на плечах, ноги плотно обхватили талию — только так ему удавалось держать голову над водой.

Линь Фэйсянь же наполовину оставался в озере. Вода, которую так отчаянно расплескивал Чи Шэн, залила ему лицо, мокрые пряди волос прилипли к щекам. По шее, точно живая серебряная змейка, скользила капля воды, исчезая под промокнутой тканью одеяния. Он молча смотрел на своего адепта, и взгляд его был пугающе спокоен.

В следующую секунду он бесцеремонно отлепил Чи Шэна от себя, зажал под мышкой и одним мощным рывком вылетел из воды на берег.

Е Линьлань, стоя на скале, насмешливо улыбнулся:

— Горные ключи на Лося-фэн холодны как лед. Фэйсянь, ты в порядке?

Линь Фэйсянь не сводил глаз с брата, смахивая капли воды с подбородка.

— Вполне, — холодно отозвался он. Затем он поставил на землю окончательно опешившего Чи Шэна и добавил: — Вот только адепт этот совершенно лишен выдержки. Такой суетливый, что умудрился утащить меня за собой на дно.

Е Линьлань рассмеялся:

— А нечего было невидимым следовать за нами. Мальчишка ведь не знал, что ты рядом. Испугался, задержался — вот ты и стал невинной жертвой.

Чи Шэн сидел на земле, сердце его колотилось в горле. Он судорожно упёрся ладонями в камни, боясь упасть. Чужое тепло, еще мгновение назад согревавшее его, исчезло, но юноше казалось, что он горит в лихорадке.

Он осторожно поднял голову. Линь Фэйсянь смотрел на него сверху вниз. Лицо его оставалось бесстрастным.

— Смерти ищешь, — коротко бросил наставник.

Хотя учитель и в обычные дни не баловал его эмоциями, сейчас это ледяное спокойствие пугало Чи Шэна до дрожи. Юноша поспешно опустился на колени:

— Учитель, я виноват... Молю, накажите меня...

Он снова взглянул вверх. Тонкая ткань промокшего одеяния наставника облепила тело, полупрозрачным слоем обрисовывая контуры сильных плеч. На длинных ресницах дрожали и переливались капли воды.

В горле у Чи Шэна вмиг пересохло, а жаркая волна ударила в голову.

— Наказание и впрямь необходимо, — произнес Линь Фэйсянь. — Линьлань-цзюнь, я заберу его, ты не против?

— И куда же ты его поведешь?

Линь Фэйсянь рывком поднял Чи Шэна за воротник, заставляя встать.

— На Гуу-фэн.

<http://bllate.org/book/17515/1657547>